

Конструирование российской социологической науки

Судя по приведенным в трудах Геннадия Васильевича Осипова историческим очеркам и по его воспоминаниям, уже в процессе созревания замысла «строительства социологии» стало понятно значение *институционализации* этой новой для СССР области знания. Для социологии надо было найти очень специфическую нишу в системе социального и гуманитарного знания, включая официальную идеологию.

Создать область знания – значит обеспечить условия для консолидации интеллектуального сообщества, достаточно автономного от уже имеющихся по соседству больших сообществ, способных поглотить и ассимилировать новый «сгусток» познавательной активности. Для этого необходимо выстроить собственную когнитивную структуру, отграниченную от смежных областей знания. Это требует решения целого ряда задач: выработать свой профессиональный язык и понятийный аппарат, создать внутреннюю систему коммуникаций и подключиться к системе коммуникаций родственного мирового сообщества. Надо определить критерии отбора значимых фактов, изучить теории, составляющие современную парадигму области, собрать ее исторические предания, перечень «мастеров и корифеев» (а если есть, то и мучеников), освоить свой особый арсенал инструментов и методов.

Г.В. Осипов и его единомышленники с самого начала «конструировали» социологию как область *науки*. Сейчас трудно представить себе, насколько претенциозным был этот проект в конце 50-х годов. Исторический момент, когда этого было можно добиться, был коротким – и он был использован блестяще. Только что прошел XX съезд, происходила глубокая и болезненная трансформация - выход из «мобилизационного социализма» - и возникла острая массовая потребность «понять общество, в котором живем».

То состояние интеллигенции, да и «широких кругов общественности», верно называют «стихийным социологизмом». Повсеместно и непрерывно, в самой разной обстановке велось обсуждение общественных проблем на языке интуитивной социологии. В социологическом свете прочитывались книги и смотрелись фильмы. На социологию был мощный «социальный запрос». Это было общее состояние, оно захватило и партийно-государственную номенклатуру, она ведь к тому моменту тоже была частью интеллигенции.

Г.В. Осипов так объясняет свой ход мысли, приведший к определению типа знания, которое он хотел развивать: «Работая над диссертацией, я все яснее понимал, что общество развивается не автоматически, как результат проявления абстрактных экономических законов, а в итоге деятельности личностей, которые при этом руководствуются самыми разными целями.

Поэтому их действия должны быть строго скоординированы, и такую координацию может обеспечить только наука. Иными словами, общество нуждается в управлении, основанном на достоверных социальных знаниях, нуждается в квалифицированных профессионалах, прошедших специальную подготовку. Так впервые я подошел к вопросу о конструировании социальной реальности или, иначе, социального бытия» [2]. Его диссертация стала основой монографии «Общества и научно-технический прогресс» (издана в 1958 г.).

Здесь слово «*наука*» Г.В. Осипов применил в «жестком» смысле, как тип знания, отграниченного от философии и идеологии (хотя и взаимодействующий с ними). Идея строить в СССР социологию как *науку* заведомо означала борьбу за размежевание и с официальной идеологией, и с учением исторического материализма, положенным в основу марксистско-ленинской общественной науки (обществоведения).

Это была борьба не за название, а за фундаментальные признаки той когнитивной структуры, на которой только и могла сложиться и выжить научная социология в реальной системе советского социального знания. Предмет, язык, теории и методы истмата и социологии как науки не могли быть совмещены в рамках одной познавательной системы. Это два разных образа, как картины мира у Птолемея и Коперника.

Г.С. Батыгин так пишет об этом различии в познавательной сфере: «Советская философская проза в полной мере наследовала пророчески-темный стиль, приближавший ее к поэзии, иногда надрывный, но чаще восторженный. Философом, интеллектуалом по преимуществу считался тот, кто имел дар охватить разумом мироздание и отождествиться с истиной. Как и во времена стоиков, философ должен был быть знатоком всего на свете, в том числе и поэтом... В той степени, в какой в публичный дискурс включалась социально-научная рационализированная проза, она также перенимала неистовство поэзии. Вероятно, возникновение марризма, лысенковщины и других паранаучных сект, ориентированных на суггестивное потрясение аудитории, связано с принятием вдохновенной эзотерической речи» [3, с. 43].

Понятно, что борьба за статус социологии имела стратегическое значение и была потому долгой и трудной. Она разделила и философское сообщество. В беседе с Г.В. Осиповым Лев Николаевич Митрохин заметил: «Суть разногласий фактически сводится к тому, что понимать под «социологией»: самостоятельную науку, теоретически независимую от философии (Г.В. Осипов, Б.А. Грушин, Ю.А. Левада, В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов и др.), или сугубо прикладную дисциплину (П.Н. Федосеев, М.Н. Руткевич, Л.А. Коган, Г.Н. Волков и др.), подчиненную принципам марксистской философии» [2].

Конечно, речь идет не только о *теоретической* независимости, вся когнитивная структура социологии не могла быть втиснута в рамки философии. Г.В. Осипов вспоминает конфликты по частным вопросам: «Мы

подготавливаем книгу «Моделирование социальных процессов» под редакцией Г.В. Осипова, А.Г. Аганбегяна и Н.Н. Моисеева. Но снова скандал. В качестве грубейшей ошибки, допущенной в книге, ЦК КПСС указывает на утверждение (оно было сформулировано мною), что теория приобретает истинное значение только в том случае, если она подтверждается и эмпирически, и математически. Более серьезное, уже политическое возражение в «инстанциях» вызывает следующее положение из статьи Генисаретского: социализм может быть естественным, а может быть искусственным. У нас, например, социализм носит характер искусственный» [2].

Почему же возник политический скандал? Потому, что философы из ЦК КПСС восприняли метафору «искусственный» как ругательство, хотя Генисаретский просто обозначил тот тип конструирования социальных форм («социализма»), который был характерен для русской революции – в отличие от созревания социализма после исчерпания потенциала развития производительных сил капитализма, как предписывал Маркс. То же самое объяснение можно дать инциденту с «ошибкой» самого Г.В. Осипова – он говорит о *социологических* теориях, а его критерии прилагают к теории *исторического материализма*. Это совершенно разные интеллектуальные системы.

Здесь мы видим тот же когнитивный конфликт: к *научной* области философы из ЦК КПСС прикладывают критерии, вполне законные в *идеологическом и этическом учении*, изначально разработанном на базе классовых ценностей. Но эти критерии неприменимы к познавательным актам в рамках научного метода.

Гораздо более серьезный конфликт возник в связи с определением *предмета* социологии. Хотя Г.В. Осипов не заострял эту проблему, но проект советской социологии предполагал жесткие *критерии научности*, согласно которым нормы и методы исследования должны быть автономны по отношению к ценностям (национальным, политическим, классовым), а значит, быть применимы к разным обществам, подобно тому как нормы и методы естественных наук применяются к объектам одного класса независимо от их происхождения и частных свойств. Это - идеал, который нигде не достигается, но он играет важную нормативную роль.

Г.В. Осипов вспоминает: «Постепенно до кремлевского начальства стало доходить, что все большее распространение получает «подозрительная» установка (я всегда настаивал на ней): нет социологии «буржуазной» и социологии «марксистской», имеется одна социология как наука, которая, подобно физике, может служить как во вред обществу, так и его благу. Надо ли разъяснять, что в ЦК она была встречена в штыки и обозначена как антимарксистская и антипартийная».

Более серьезный конфликт возник после публикации Ю.А. Левадой «Лекций по социологии», которые он прочел на факультете журналистики МГУ в 1967/68 учебном году. В результате разбирательства он был снят с

поста секретаря партбюро Института и лишен звания профессора (которого, впрочем, ВАК еще не успел утвердить). Было ли это произволом партийных органов или конфликт носил принципиальный характер?

Вспоминая об этом инциденте, В.А. Ядов писал в 1999 г.: «Левада издал лекции, которые претендовали на теоретическое переосмысление марксизма... Благодаря лекциям Левады формировалось понимание, что социология занимается обществом вообще, а не конкретным обществом, не конкретной формацией... Это в основном и вызвало тот удар» [4, с. 53].

Если так, то этот спор следует считать принципиальным. Очевидно, что советское общество отличалось от американского или китайского, и, согласно установкам марксизма, советская социология должна была выработать методологические средства, адекватные структуре и динамике именно данного конкретного общества¹.

Позже (в 2008 г.) Г.В. Осипов выразился более определенно: «Издание «Лекций по социологии» Ю. Левады сразу же высветило два вопроса. Во-первых, что социология – это наука, не только отличная от истмата, который был объявлен единственно научной социологией, но и противостоящая ему. Во-вторых, что социология конкретно противопоставила себя господствующей в стране идеологии, проявив ее практическую беспомощность» [1, с. 533].

Тот факт, что Г.В. Осипов и его соратники смогли (не без помощи некоторых видных деятелей из того же ЦК КПСС) отстоять автономию социологии от марксистской философии – важное и поучительное достижение, которое вошло в историю советской и российской науки. Благодаря этому постсоветская Россия сегодня имеет основу для развития современной научной социологии, абсолютно необходимой для преодоления кризиса.

Не менее важным делом, нежели когнитивное размежевание с историческим материализмом, было определение статуса советской социологии относительно *идеологии*. Идеология – обширная область знания, на которое опирается политическая практика современного или модернизированного общества. И в познавательном, и в социальном плане идеология перекрывается как с областью рационального научного знания, так и, практически, со всеми другими сферами системы знания (социального, гуманитарного, религиозного, художественного и пр.). Очевидно, что в любом обществе социология с необходимостью вовлечена в процесс создания и обновления идеологий и в непосредственное осуществление идеологических функций.

На этот счет в процессе строительства в 60-80-е годы советской научной социологии не было никаких сомнений. В первой главе книги

¹ Маркс прямо указывает: “в том строе общества, которое мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические”. А это значит, что категории политэкономии капитализма неприменимы к тем обществам, где не произошло атомизации человека и производственные отношения содержат общинный компонент. Философы, работавшие в рамках исторического материализма, так же думали и о социологии, и установки Левады были открытым вызовом.

«Социология» [9] Г.В. Осипов определяет «общественное предназначение» социологии как выполнение трех функций: познавательной, практической и идеологической. При этом последняя функция означает не обслуживание власти, а обеспечение научным знанием об обществе всех систем *идеологической мысли и практики*, в том числе и в моменты идеологического хаоса или обострения идеологической борьбы. Поэтому, хотя в идеологической борьбе разные группы социологов могут находиться, соответственно их политическим и ценностным позициям, по разные стороны баррикад, их задача как *научных* работников – рационализировать конфликт, поднимать на возможно более высокий уровень знания все противоборствующие стороны². В этом смысле развитая отечественная социологическая наука является не *классовым*, а *национальным* достоянием.

Очевидно, что стать на уровень требований этой функции советская социология могла, только добившись социальной и гносеологической автономии от государственной идеологии. Эта задача была принципиально сложной, ее в реальных условиях открыто нельзя было даже рационально сформулировать. И руководство КПСС, и высшая элита сообщества специалистов в философских и общественных науках продолжали еще культивировать утопию «морально-политического единства» советского общества. Их мышление было проникнуто *эссенциализмом*, верой в наличие ряда незыблемых *сущностей* советского человека, они еще находились во власти иллюзии своей абсолютной и вечной культурной гегемонии. Поэтому представления высшей партийной номенклатуры исключали саму мысль о возникновении в советском обществе идеологической борьбы – речь могла идти только об изживании «пережитков прошлого в сознании людей» и о защите от происков внешнего идеологического противника. Наличие мировоззренческого кризиса и открытых фронтов идеологической борьбы уже в самом СССР не замечались или трактовались как аномалии и капризы «избалованного поколения»³.

Чтобы вывести социологию из-под власти идеологических структур, нельзя было опереться на главный аргумент: поднять советское государство на уровень современной идеологической борьбы могла лишь социология, автономная от идеологии. Важным эпизодом стала история создания в 1968 г. Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) *именно в составе Академии наук СССР*, а не в ЦК КПСС (хотя статус института ЦК КПСС обеспечивал заманчивые ресурсные возможности и социальный статус сотрудников).

Эта история показывает, насколько сложным было переплетение когнитивных, идеологических и социальных факторов в развитии кризиса

² Разумеется, при этом нередки и нарушения профессиональных норм, отход от критериев научного знания и превращение социологов (как и физиков или философов) в бойцов идеологического фронта. Но здесь мы говорим не о нарушениях, а об *эмосе* социологии как науки.

³ Возрождение сословности в позднем советском обществе выразилось в том, что по своей структуре мышление высшей номенклатуры КПСС стало напоминать мышление правящей придворной аристократии Российской империи начала XX века, с ее верой в «народ-богоносец» и в крестьянина-монархиста.

советской системы. Конструктивный проект институционализации социологии как принципиально новой для советского общества научной дисциплины потребовал от группы молодых интеллектуалов не просто глубокого знания формальных и неформальных структур власти и влияния в КПСС, но и большой психологической интуиции и даже искусства человеческих отношений. Если бы советской социологии хватило времени, чтобы «нарастить» свое научное сообщество, достаточно развить свою когнитивную основу, чтобы сплотить это сообщество на рациональной основе и избежать раскола на идеологической почве во время перестройки, кризис 90-х годов в России можно было бы пройти с меньшими травмами и страданиями населения.

В 60-70-е годы, защитив в АН СССР свою область от поглощения ее «идеологическим» сообществом, «конструкторы и строители» социологии обеспечили возможность создания своего *языка*, который, в главном, уже не смешивался с языком официальной идеологии. Без выполнения этой задачи не произошло бы институционализации дисциплины.

При этом речь шла о создании «социологического» языка в его трех ипостасях – внутреннего профессионального *языка научного исследования*, языка социологии как *учебной* дисциплины, «*обыденного*» языка социологии для коммуникации через СМИ и для коммуникации с работниками аппарата власти и управления.

Эта работа тоже была источником и когнитивных, и политических конфликтов. Г.С. Батыгин пишет, в качестве примера: «Само понятие «образ жизни» было очень интересным. Этот неологизм выполнял роль Троянского коня в лексиконе марксизма, где существовали канонические категории производительных сил и производственных отношений, форм общественного сознания, политической организации общества – государства, партий, институтов. А когда «образ жизни» вошел в марксизм для обозначения форм повседневности, это означало явную ревизию марксистского учения... «Берегитесь пророков, приходящих в овечьей одежде». Вот «образ жизни» и пришел в марксизм в «овечьей одежде» [8].

Эффективной оказалась и динамика *формализации* нарождавшегося социологического сообщества. Она позволила ему организовать в латентной фазе, в условиях «инкубационного» периода, и предстать перед властью и обществом уже как сложившаяся профессиональная бригада. В 1958 г. Президиум АН СССР учредил Советскую социологическую ассоциацию, ее руководителем вскоре стал Г.В. Осипов. Сам он в 2008 г. оценивает ее организующую роль так: «Советская социологическая ассоциация создавалась как организационная форма представительства советских ученых в международных организациях. Социологическое сообщество страны использовало ССА как институт, позволивший развернуть широкую работу по созданию в СССР социологических центров, исследовательских комитетов, а также совместных исследовательских групп и комитетов с зарубежными учеными (например, советско-американский

комитет по социологии и др.)» [1, с. 528].

В другом выступлении Г.В. Осипов подчеркивает роль ССА в становлении гносеологической базы социологии: «Сегодня, оглядываясь назад, могу твердо сказать, что ассоциация активно содействовала формированию нового социологического мировоззрения в советском обществе» [2].

Созданные с конца 50-х годов организационные возможности были быстро использованы для освоения *методов и инструментов*, необходимых для проведения исследований научного типа. Направленные на это усилия можно назвать форсированными, и сейчас, оглядываясь назад, это решение следует признать исключительно важным и прозорливым. Методы и инструменты научной социологии не применялись в рамках философии и идеологии, заданных историческим материализмом. Поэтому в методическом плане эти области советского обществоведения резко отличались от номинально родственных областей западного обществоведения. Когнитивные структуры двух больших сообществ резко различались.

Требовалось создать в СССР сообщество социологов, соединенных принципиально иной системой методов. Это не только сделало бы работу нового сообщества методически совместимой с работой зарубежных социологов, но и стало бы пропуском в «хранилище знания» мировой социологии. Советские социологи были бы приняты в международную «бригаду», работавшую на переднем крае социологической науки, что многократно, качественно увеличило бы их познавательные возможности. Немаловажно и то, что современное методическое оснащение стало бы видимым маркером, отграничивающим сообщество социологов от философов и идеологических работников, - как в XVII веке форма и оружие Преображенского полка отличали его от стрельцов.

Г.В. Осипов вспоминает о той работе: «В это время по линии Советской социологической ассоциации мы издаем (что я считаю своей большой заслугой как редактора) ряд переводов книг американских социологов по общим прикладным проблемам и математическим методам (например, «Математические методы в современной буржуазной социологии» М., 1966; «Математические методы в социальных науках» М., 1973 и др.). В сотрудничестве с математиками публикуем собственный коллективный труд «Методика и техника статистической обработки первичной социальной информации» (1968), а затем и «Количественные методы в социологии» (1976)» [2].

В целом, программа создания современной когнитивной структуры советской социологии как научной дисциплины и проблемной области была выполнена успешно. Была создана также институциональная база для того, чтобы собрать действующее в рамках этой когнитивной структуры научное сообщество, которое было признано в западной социологии и на равных правах интегрировано в мировую «бригаду».

Ряд важных методологических работ, необходимых и для

развертывания прикладных социологических исследований в СССР, и для подготовки кадров, и для практики государственного управления, был также начат под влиянием проводимых на Западе разработок. К ним можно отнести программу создания системы *социальных индикаторов*. В сложном и быстро меняющемся советском обществе 70-80 годов уже было невозможно верно оценить направление и динамику общественных процессов на основе интуитивных оценок. В социологию и практику управления надо было вводить определенную и достоверную *меру*. Без нее уже нельзя было даже составить верную «карту» возникающих в обществе угроз, то есть, выполнить минимальную задачу обеспечения самого выживания страны и общества.

Эта задача не сводилась просто к применению математических методов. Само по себе измерение видимых величин (параметров) не давало знания о ходе невидимых (латентных) процессов. Требовалась теоретическая работа по нахождению связи между латентными величинами и параметрами – по превращению параметра в *индикатор* и *показатель*. Более того, требовался анализ ценностных оснований для определения явных *критериев* оценки состояния подсистем общества с помощью выбранных индикаторов.

Первый этап становления социологии потребовал больших перегрузок, первая когорта советских социологов, которые проектировали и строили эту дисциплину и исследовательскую область, не раз испытала тяжелые разочарования и понесла психологические травмы. Эта драматическая сторона дела освещена в книге [1].

Частично этим можно объяснить тот факт, что большая часть социологов «первой волны», снискавших своей подвижнической работой и талантом уважение и даже любовь советской интеллигенции, в момент перестройки заняла активную антисоветскую позицию. Отбросив нормы научности и даже игнорируя результаты собственных исследований, они стали беззаветными идеологами реформ, которые причиняли населению массовые страдания, вели к распаду страны и погружали «постсоветские республики» в тяжелейший кризис.

Однако личными переживаниями и невзгодами этого объяснить невозможно. За этой позицией стоит мировоззренческий конфликт, отражающий культурный кризис советского общества (и, шире, советского проекта). Эта часть истории советской социологии дает ценный материал для изучения этого кризиса, из которого нынешняя Россия вовсе не вышла.

В беседе с Г.В. Осиповым Л.Н. Митрохин сказал: «Все вы (а список людей, причастных к рождению отечественной социологии, более или менее определен) выступали против духовного ГУЛАГА, против митиных и константиновых».

Это само по себе логично. Драма - в следующих словах Л.Н. Митрохина: «К тому времени (1958) нам была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки (прежде всего «научного коммунизма») уверявшей, что советский человек «проходит как хозяин по

просторам Родины своей». ... Да, Федор Васильевич Константинов ... был одной из самых мрачных фигур того времени. Под его началом я работал несколько лет, был заведующим сектором, секретарем партбюро Института, переводил его во время командировки в Вену» [2].

Каково было этим людям – считать официальную социальную науку не просто интеллектуально несостоятельной, а «идеологически-корыстной фальшью», и в то же время служить этой науке на высоких постах под началом «одной из самых мрачных фигур того времени». Какие же ценностные установки формировались в этих условиях?

Сегодня, когда на тот период уже можно посмотреть сравнительно беспристрастным взглядом, Г.В. Осипов обращает внимание прежде всего на когнитивную сторону назревавшего в сообществе расхождения. Он говорит о стратегических выводах, к которым шли социологи при разработке социальных индикаторов: «Мы механически не копировали западные образцы, поскольку на Западе, в частности, в Америке, социология была связана с задачей реформирования отдельных сфер жизнедеятельности общества. Наша же наука складывалась в условиях тоталитарного режима, и волей-неволей подводила к выводу о необходимости коренной реконструкции общества... Так что не будет преувеличением сказать, что социология стояла у истоков слома тоталитарного строя» [2].

Научный подход к «коренной реконструкции общества» предполагает изучение *альтернатив*. Однако окол властные интеллектуалы (включая часть видных социологов) выпустили книгу-манифест «Иного не дано» (1988). Само название противоречит нормам научной рациональности и выражает сдвиг «команды Горбачева» к тоталитарному мышлению. Однако в академическом сообществе социологов дебаты были еще возможны, и их предметом как раз и стали альтернативы реконструкции общества.

Г.В. Осипов вспоминает: «Как следствие этого «идеологического» конфликта в конце 80-х – начале 90-х гг. в Институте социологии АН СССР сложились две различные социальные концепции перестройки и реформирования российского общества. Но характер и способы этого реформирования представлялись диаметрально противоположными. Первая концепция исходила из необходимости разрушения всего того, что было создано в период руководства КПСС страной, всемерного расшатывания социальной стабильности и социального порядка...

Согласно второй концепции важнейшим социальным критерием реформирования должен быть реальный человек, реформирование должно быть представлено в человеческом измерении, осуществляться не за счет человека, а ради него. Согласно этой концепции все реформы реакционны, если их осуществление ведет к социальной, моральной и физической деградации человека, к распаду социальных связей...

Две эти программы, руководителями которых соответственно являлись В. Ядов и Г. Осипов, были представлены на Ученый совет Института социологии АН СССР» [2].

Очевидно, что обе взаимоисключающие концепции реформ подготовлены социологами, принадлежащими к одному и тому же профессиональному сообществу и применяющими один и тот же научный аппарат. Сам этот факт служит свидетельством того, что за 30 лет в СССР сложилась именно *научная* социология. Подходя к реальности беспристрастно и делая примерно одинаковые выводы о том, «*что есть*», социологи резко разделились в отношении того, что «*должно быть*». То есть, в отношении *конструирования* социальной реальности, которое относится уже к политической практике.

Отсюда следует принципиальный вывод: при переходе от описания реальности к ее оценке и проекту изменения любой обществовед, в том числе социолог, действует в рамках системы этических ценностей. Таким образом, он выходит из пространства науки и несет нравственную ответственность за свои рекомендации. Он уже не имеет права ссылаться на авторитет научных данных, а должен обнародовать свои представления о добре и зле.

Как показал опыт последних двадцати лет, идеологические и ценностные установки более мобильны, чем научные нормы познавательной парадигмы. Реальность реформ заставила очень многих осознать утопический и антигуманный характер важных положений реформ 90-х годов, отойти от поддержки их доктрины. Этот пересмотр идет без шума и публичных объяснений, но этого и не требуется. Главное заключается в том, что начатая Г.В. Осиповым программа восстановления сообщества российских социологов опять на *научной*, а не идеологической, основе получила отклик и успешно развивается. Раскол, возникший в драматические годы перестройки и ельцинского режима, утратил политическую остроту и постепенно рационализировался, переходя в плоскость научного обсуждения. Очевидно, что возрождение дееспособного научного сообщества в социологии насущно необходимо для выхода из системного кризиса России.

Платформа, на которой может идти восстановление сообщества социологов, предложена Г.В. Осиповым в докладе на II Всероссийском социологическом конгрессе (2003) под названием «Российская социология в XXI веке». Главные идеи этой программы развиты в книге Осипов Г.В. «Социология и общество: социологический анализ российской смуты» (М., 2007) [5].

Подчеркивается, что «миссия социологии в XXI веке ... ориентирована, прежде всего, на созидающие, консолидирующие, объединяющие, синтезирующие аспекты научного творчества». Это положение отвергает радикальный тезис влиятельной части реформаторов, согласно которому успех реформ может быть достигнут через полный слом унаследованных от советского строя экономических, социальных и культурных структур, через подавление той части общества, которая не приняла неолиберальной доктрины трансформации российского общества. Социальные и национальные противоречия в России еще не перешли в фазу антагонизма, и

доводить их до этой стадии было бы не только неразумно, но и преступно.

Второй важный тезис – обязанность государства вновь взять на себя функцию *целеполагания*. Невозможно достичь успеха в реформе, если отсутствует понятый и принятый обществом «образ будущего». Г.В. Осипов пишет: «Исторический опыт свидетельствует о том, что люди всегда испытывали духовную потребность в идеальном образе будущего общества, в результате чего в их сознании возникали представления (чаяния) о совершенных образцах социума. Такие представления существуют и сегодня, они оказывают реальное воздействие на повседневную социальную практику миллионов людей во всех странах мира...

Общенациональная цель, понятная и принятая народом России, способна сформировать социальный идеал и общенациональные ценности... Именно по этой причине идеологию, национальную идею невозможно выработать в лаборатории или кружках философов и политтехнологов. Если применительно к нашей стране она изобретается по западным лекалам, то появиться может только социальный урод. Идеология – результат творчества самого народа, а задача науки – изучить, понять это творчество и точно сформулировать его результат».

Важной и срочной задачей социологии стала демистификация антропологических абстракций, которыми описывается явление *социальности* человека в неолиберальной доктрине: «Затянувшийся кризис теоретической социальной мысли как в нашей стране, так и за рубежом, не в последнюю очередь обусловлен инерционной силой устаревших теоретических абстракций, которые продолжает воспроизводить система образования.

За долгие годы своего господства в социально-экономической мысли эти одномерные абстракции [*homo economics* и *homo sociologic*] при определении человека вытеснили собой самого реального человека. В действительности же человек является одновременно (как минимум) субъектом *экономического действия*, конструирования хозяйства и субъектом *социального действия*, конструирования общества на основе приобретенных им знаний. Именно из такой предпосылки исходит новая, внутренне двуединая дисциплина, получившая название «экономика и социология знания».

Развитие исследований в области «экономики и социологии знания» Г.В. Осипов считает необходимым условием возвращения России в реальный контекст современного развития науки, культуры и производства, вне которого Россия не может сохраниться не только как развитая держава, но и как независимая страна. Потерянные двадцать лет должны быть восполнены интенсивным массовым творческим трудом, условия для которого могут быть созданы только в преобразовании нынешнего общества в «общество знания». Такое преобразование требует чрезвычайной научной программы отечественных экономистов и социологов.

Больших усилий социологов требует и демонтаж аномальной идеологической конструкции, воздвигнутой в 90-е годы из внедренных в массовое сознание мифов. Эта проблема, которую Г.В. Осипов освещает в книге «Социальное мифотворчество и социальная практика» [7]. Освобождение общественного сознания от разрушительных мифов и идолов – задача уже не политическая и не социальная, а общенациональная.

Г.В. Осипов пишет: «Практическая реализация этих мифов различными властными структурами и политическими силами привела в действие социальный маховик гигантской разрушительной силы, который, выйдя из-под какого-либо разумного контроля, стал крушить все направо и налево, отбрасывая развитие страны на многие десятилетия назад».

Однако в целом положение в российской социологии, как и во всем обществоведении, остается тяжелым. Культурный и мировоззренческий кризис, природа которого еще плохо изучена и плохо понята, ударил по сфере сознания гораздо тяжелее, чем по экономике. Произошло разрыхление или распад больших социальных и культурных общностей, массовая утрата квалификации и гражданских навыков самоорганизации. Раскол ядра социологического сообщества по идейным основаниям дополнился профессиональной деградацией значительной части рядовых социологов, которых в массовых масштабах выпускает множество скороспелых вузов. Это делает задачу консолидации научного сообщества настолько трудной, что иногда охватывает отчаяние.

Г.В. Осипов признался недавно: «Если было бы можно вернуться к 60-м годам, то я, наверное, стал бы первым, кто высказался против развития социологии в России, потому что она начинает играть вредную роль, плодя огромное количество дилетантов и невежд, которые получают степени... То, что сегодня называют «социологией», в лучшем случае продолжает топтаться на месте, в худшем - деградирует, сводя социологические исследования к различным рейтингам или же выдавая за них опросы населения на улице. Положение тяжелое и нужны срочные меры для того, чтобы не пришлось зачислять социологию в разряд лженаук» [2].

И все же эти изредка посещающие нас сомнения не парализуют работы, а заставляют оглядеться. Ресурсов, чтобы следовать путем проб и ошибок, у всей российской науки сейчас нет. Приходится социологам обдумывать каждый шаг и прилагать сведения, почерпнутые в «социологии знания», прежде всего к развитию своей собственной научной области.

Литература

1. Осипов Г.В., Л.Н. Москвичев. Социология и власть. - М.: Экономика. 2008.
2. Л.Н. Митрохин. Тернистые пути отечественной социологии (Беседа с академиком РАН Г.В. Осиповым. – В кн. «Социология и власть». 2008.
3. Г.С. Батыгин. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом

репертуаре социальных наук. – В кн. «Социальные науки в постсоветской России». - М.: Академический проект, 2005.

4. Ядов В.А. Мы все – самоучки в социологии. - В кн. «Российская социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах». - СПб: РГГИ. 1999.

5. Осипов Г.В. Социология и общество: социологический анализ российской смуты. - М.: Норма. 2007.

6. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2001.

7. Батыгин Г.С. Никакого другого пути я даже помыслить не мог... – Социологический журнал. 2003, № 2.

8. Осипов Г.В. Социология. - М.: Изд-во ЛКИ. 2008.